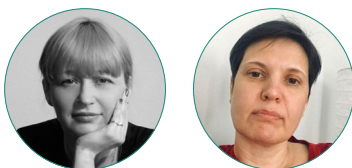

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1618

Ж. В. Чернова, Л. Л. Шпаковская

ПЕРЕХОД К ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ, ИМЕЮЩИХ ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЗАБОТЫ

Правильная ссылка на статью:

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Переход к взрослой жизни молодых людей, имеющих опыт институциональной заботы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 94—118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1618>.

For citation:

Chernova Z. V., Shpakovskaya L. L. (2020) Institution-Reared Children and Their Transition to Adulthood. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 94—118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1618>.

ПЕРЕХОД К ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ, ИМЕЮЩИХ ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЗАБОТЫ

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: zhchernova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3416-5287>

ШПАКОВСКАЯ Лариса Леонидовна — кандидат социологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: slarisalarisa@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4206-4702>

Аннотация. Цель статьи — реконструировать траектории перехода, характерные для взросления выпускников детских домов в российском контексте. Социальная политика, создавая условия доступа к услугам государственных структур и ресурсам, формирует нормативное представление о поведении молодых людей в соответствии с их возрастом. В современных обществах происходят дестандартизация и дефрагментация разворачивания биографических событий в жизни молодых людей, а индивидам приписывается активная роль в совершении жизненно важных выборов и принятии биографических решений.

В статье используется концепция режима перехода как совокупности институтов социальной политики и культурных нормативных предписаний, задающих условия и модели взросления. Для преодоления разрыва между

INSTITUTION-REARED CHILDREN AND THEIR TRANSITION TO ADULTHOOD

Zhanna V. CHERNOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor

E-MAIL: zhchernova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3416-5287>

Larisa L. SHPAKOVSKAYA² — Cand. Sci. (Soc.)

E-MAIL: slarisalarisa@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4206-4702>

¹ National Research University Higher School of Economics in St Petersburg, Saint Petersburg, Russia
² Independent Researcher, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article explores the transition to adulthood of care leavers in Russia. Social policies enabling access to public services create a normative vision of youth's behavior according to age. Modern societies are characterized by destandardization and defragmentation of events unfolding in the biographies of young people, and individuals are expected to play an active role in making vital choices and decisions.

In this article, transition is viewed as a number of social policy institutions and culture-related normative regulations framing the process of growing up. The authors use the resilience concept taking into consideration a societal context to bridge the gap between the structure level and the individual biography level during the transition to adulthood.

The study is based on biographical interviews of care leavers, expert interviews,

структурным уровнем и индивидуальным биографическим уровнем перехода к взрослой жизни выпускников детских домов используется концепция резильентности, позволяющая учесть социетальный контекст и индивидуальные особенности взросления.

Эмпирическая база исследования включает биографические интервью с выпускниками детских домов, экспертные интервью, а также материалы тематических блогов и форумов. На основе анализа собранных эмпирических данных проанализированы типичные траектории перехода к взрослой жизни: движение вперед, адаптация и скатывание, а также выделены факторы резильентности, способствующие попаданию на ту или иную жизненную траекторию. В статье показано, как специфика понимания взрослости и особенности нормативного перехода к взрослой жизни фактически становятся структурными ограничениями, которые помещают выпускников в рамки стандартизированного перехода, характерного для индустриального общества, и не оставляют шансов для гибких индивидуализированных и пролонгированных переходов, типичных для современной молодежи (прежде всего представителей среднего класса, обладающих таким страхующим механизмом, как семья; их переход рассматривается как культурная норма взросления). Стандартизированная, нормативная модель перехода, предписываемая выпускникам детских домов, противоречит современной тенденции плюрализации жизненных стилей молодежи.

thematic blogs and forums. The authors provide an analysis of typical trajectories of the transition to adulthood: moving forward, adapting and going off the trajectory. The article describes resilience factors behind a particular path and explains how different understanding of adulthood and a normative transition to adulthood turn into structural restrictions resembling industrial society and leaving no chances for care leavers for a more individualized flexible transition typical of modern young people (basically, middle class young people with a family as an “insurance mechanism”; their transitions is regarded as a cultural norm while growing up). Standardized normative model of transition that care leavers have to follow goes contrary to the modern trend towards pluralization of youth lifestyles.

Ключевые слова: молодежь, переход к взрослости, выпускники детских домов, биографический подход, жизненные траектории

Keywords: youth, transition to adulthood, care leavers, biographical approach, life trajectories

Благодарность. Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 20-01-005) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2020—2022 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100», а также при поддержке Благотворительного Фонда «Арифметика добра».

Acknowledgments. The article is part of the HSE Academic Fund Program in 2020–2022 (grant No. 20-01-005), “5-100 — Russian Academic Excellence Project” and supported by “Arifmetika Dobra” Charity Foundation.

Современное общество характеризуется не только существенными изменениями в моделях занятости, образования, брачно-репродуктивного поведения, но и пересмотром социальных и культурных сценариев взросления. Традиционными маркерами взрослости в индустриальную эпоху выступали окончание образования, выход на рынок труда, жилищная и экономическая автономия, а также создание собственной семьи и рождение детей. Переход к взрослой жизни представлял собой стандартизированную жизненную траекторию, ведущую к приобретению «взрослых» социальных статусов. Такой переход осуществлялся в более раннем возрасте, чем это происходит сейчас. Например, в России молодежь 1930-х годов рождения в среднем начинала работать в 18,8 года, а 1940—1950-х — в 20,3 года [Тындик, Митрофанова, 2014: 149], в то время как миллениалы начинают выходить на рынок труда в 25—29 лет [Радаев, 2020].

Достижение взрослых статусов происходило более или менее синхронно: время окончания формального послешкольного образования часто совпадало с началом трудовой биографии, временем вступления в брак и последующим рождением ребенка. Эта модель перехода поддерживалась индустриальным типом занятости и мерами социальной политики, которые задавали стандартную жизненную биографию, разделенную на отчетливые этапы, связанные с периодом получения образования как подготовкой к будущей работе, трудовым периодом на основе контракта «пожизненного найма», а также периодом завершения трудовой биографии и выхода на пенсию [Kravchenko, 2015].

Исследователи сходятся во мнении, что во второй половине XX века произошли радикальные изменения моделей взросления, обусловленные экономическими, демографическими и культурными факторами. Постиндустриальная экономика начала формировать другой тип занятости, характеризующийся прерывностью трудовой биографии, неустойчивостью позиции на рынке труда, переходом на «проектную» занятость. Массовизация доступа к высшему образованию привела

к увеличению времени получения профессионального образования и более позднему выходу молодежи на рынок труда [Бауман, 2008]. Второй демографический переход связан с повышением возраста вступления в брак, а также увеличением возраста матери при рождении первого ребенка [van de Каа, 1987]. Наряду с этим современные «общества риска» характеризуются детрадиционализацией и требуют от индивидов биографических инноваций и совершения выборов во всех аспектах их жизни [Бек, 2000]. Биографические сценарии плюрализируются и приобретают характер индивидуализированных по смыслу, а не только заданных классовыми, гендерными, этническими различиями.

Переход к взрослой жизни становится более пролонгированным во времени, асинхронным, индивидуализированным и осуществляется в более позднем возрасте. Например, окончание формального образования и выход на рынок труда, создание устойчивого партнерства и рождение ребенка могут быть событиями, существенно разнесенными по времени. Кроме того, переход к взрослой жизни может разворачиваться циклически, что предполагает возможность возврата к этапу начала перехода в результате индивидуального решения «обнулить» часть своей взрослой биографии. Таким примером может выступать уход с рынка труда для получения нового, дополнительного, образования или возврат для проживания в родительскую семью. Андреас Волтер называет такую модель перехода — стратегия «йо-йо», подчеркивая обратимость и фрагментированность достижения молодыми людьми взрослых статусов, обусловленные жизненными выборами индивидов и структурными рисками, которые определяют новую логику взросления [Walther, 2006].

Индивидуализация и плюрализация культурных моделей взросления также связаны с тем, что общество готово предоставить молодым людям мораторий на взросление, то есть дать время на поиск себя, приобретение жизненного опыта и навыков самостоятельной жизни. Такая модель взросления в первую очередь характерна для молодых людей из среднего класса, семьи которых обладают достаточными экономическими, социальными и культурными ресурсами, что позволяет им совершать биографические инновации.

Молодежь из среднего класса задает социальные и культурные образцы нормативного перехода, который становится пролонгированным и основанным на индивидуальном выборе [Furlong, Cartmel, 2007: 8]. При этом опыт перехода молодежи из рабочего класса и социально депривированных групп часто не вписывается в эту модель взросления [Уокер, 2013]. В отличие от молодежи из среднего класса, представители малоресурсных социальных групп нередко сталкиваются с «закрытыми дверями», то есть ограниченным образовательным выбором, который обычно ведет к получению малопrestiжных рабочих профессий. Таким образом, образование и будущая профессиональная судьба не являются для них результатом выбора. Отсутствие семейных ресурсов и поддержки в случае социальной неудачи затрудняет для них пересборку своей биографии и возврат к началу перехода, что вынуждает следовать стандартизированной биографии и осуществлять переход традиционного типа [Arnett, 2016].

Молодые люди — выпускники детских домов — являются социальной группой, чей опыт взросления неоднозначен и не всегда объясним исключительно с точ-

ки зрения доступных ресурсов. Хотя они не могут рассчитывать на поддержку семьи, имеющийся формальный статус делает их объектом интенсивной заботы со стороны государства и благотворителей, предоставляющих различные виды помощи. При этом в общественном дискурсе и академических исследованиях проблематизируется специфика взросления молодых людей, относящихся к данной социальной группе. Проблемы их адаптации к взрослой жизни определяются как результат неспособности эффективно воспользоваться доступными им ресурсами [Дементьева, 1992; Присяжная, 2007; Корнеева, Стрельникова, 2009; Антонова, Абрамов, 2017]. В данной статье мы рассматриваем, как происходит взросление выпускников детских домов, и объясняем, как институционализированный режим перехода задает репертуар возможностей, а также исключает тех, кто не способен в него вписаться.

Режим перехода: институционализированные траектории и индивидуальная резильентность

Современные социальные исследования специфики перехода подчеркивают необходимость изучения взаимосвязи его структурного и субъективного уровня, вводя для этого понятие «режим перехода» [Walther, 2006]. Режим перехода определяется социальной политикой государства, которая посредством определенных институтов (таких как образование, занятость, семья) формирует нормативные образцы поведения индивида в зависимости от его возраста. Он также включает доминирующие ценности в отношении той или иной социальной группы, что задает интерпретации биографического опыта индивидов, производя тем самым «нормальную» биографию и сценарии ее развития. Индивидуальный уровень режима перехода представлен субъективными значениями и смыслами, которыми индивиды наделяют свой опыт. Последний определен тем или иными институтом, а также задан доступными его носителям возможностями и образцами. Иными словами, они наделяют институты перехода субъективным значением, адаптируют их и изменяют применительно к своим жизненным ситуациям и имеющимся ресурсам.

Структурный уровень режима перехода к взрослости определяется спецификой модели социальной политики, а именно тем, каким образом устроена система образования, как государство организует выход молодежи на рынок труда, а также какие меры поддержки доступны молодым людям для обретения жилищной автономии от родительской семьи [Iacovou, 2002, Walther, 2006; Kravchenko, 2015]. Режимы перехода также имеют ценностное измерение, которое вписано в культурные представления о молодежи и отражает основные социетальные ожидания в отношении молодых людей. Например, нормативный концепт молодости может выстраиваться как на идее индивидуализации и личностного развития, так и на представлении о необходимости адаптации к социальным позициям в обществе или ранней экономической независимости как результата выхода на рынок труда [Walther, 2006].

Таким образом, режим перехода задает общий сценарий, в рамках которого индивиды строят свои жизненные траектории. Типология траекторий взросления может быть выстроена на основе социально-экономической позиции молодых людей, а также имеющихся у них ресурсов и возможностей. Майкл Штейн, иссле-

дую траектории перехода выпускников детских домов в Европе, выделяет следующие три типа их жизненных путей. Первый тип — «движение вперед» (moving on), то есть преодоление возникающих проблем. Второй — «приспособление» (getting by) к существующим условиям. Третий — «скатывание» (going under), или неспособность справиться с жизненными трудностями и проблемами адаптации к взрослой жизни. Штейн полагает, что необходим детальный анализ причин, влияющих на то, почему выпускники детских домов оказываются на той или иной траектории [Stein, 2006]. Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы будем использовать концепцию резильентности, поскольку она позволяет не только учитывать социальный контекст перехода к взрослости, но и увидеть динамичный характер перехода, обращает внимание на конфигурацию биографических событий и факторов, способствующих попаданию индивидов на определенную биографическую траекторию.

В академическом дискурсе термин «резилиенс» (resilience), или «резильентность», имеет множество определений. В русскоязычной научной литературе он переводится по-разному: устойчивость, стрессоустойчивость, жизнестойкость [Трубина, 2016; Романова, 2017; Павлова, Гудалов, Коцур, 2018; Трещенков, 2019]. Концепт «резильентность» применительно к изучению опыта взросления воспитанников детских домов используется не как фиксированная характеристика, а как динамическое свойство успешного перехода, включающее в себя и структурные элементы, и внутренние ресурсы молодых людей [Gilligan, 2008: 37]. Резильентность позволяет осуществлять успешный переход, пользоваться доступными ресурсами, демонстрировать устойчивость по отношению к стрессорирующим внешним факторам, снижать риски социальной неудачи. Благодаря резильентности выпускники детских домов могут выбирать индивидуальную траекторию «движения вперед», а не просто приспосабливаться к существующим условиям, и избегать нисходящего движения, «скатывания вниз» [Stein, 2006].

Исследования специфики перехода молодежи из малоресурсных социальных групп выделяют множество факторов, способствующих формированию резильентности, которые зависят от режима перехода (например, образовательная и материальная поддержка, помощь в трудоустройстве, обеспечение жильем и т. п.). К ним также относится целый ряд индивидуальных характеристик воспитанников детских домов: от состояния здоровья молодых людей, их психологических особенностей до степени их интегрированности в профессиональные, дружеские и семейные сети [Stein, 2004, 2006].

В данной статье мы используем термин «резильентность», понимая под ним способность выпускников детских домов преодолевать структурные ограничения, с которыми они сталкиваются, их умение превращать ограничения в преимущества и использовать доступные им ресурсы.

Эмпирические данные и методы анализа

Информация о режиме перехода и биографических траекториях выпускников детских домов была получена следующими методами сбора социологической информации: (1) биографические интервью с выпускниками детских домов (N = 60) в возрасте от 17 до 30 лет из различных регионов России, участвовавших

в программах благотворительного фонда, с которым работали авторы, что определило специфику выборки, в которую преимущественно попали относительно успешные выпускники (понятие успешности применительно к теме исследования будет обсуждаться далее); (2) экспертные интервью ($N = 27$) с сотрудниками НКО, работающими в сфере помощи детям, оставшимися без попечения родителей, а также с работниками интернатных учреждений для детей, учителями общеобразовательных школ; (3) законодательство, программные документы и официальные материалы, регламентирующие деятельность институтов в системе защиты прав детей; (4) представляющие жизненные истории выпускников детских домов посты в пабликах в социальных сетях и статьи на сайтах НКО, работающих в сфере постинтернатного сопровождения.

Анализ данных собранной текстовой (или транскрибированной в текст) информации осуществлялся методом тематического кодирования [Flick, 2006] с использованием программы ATLAS.ti. На первом этапе при помощи открытого кодирования были выделены смысловые фрагменты текстов, которые затем были объединены в тематические категории, представляющие собой описание различных элементов процесса перехода, их смыслов и значений. Были также выделены воспринимаемые ресурсы, барьеры и способы их преодоления молодыми людьми и девушками. На втором этапе были реконструированы типичные биографические сценарии, а также ресурсы и барьеры, способствующие попаданию на ту или иную траекторию. Затем были выбраны биографические кейсы, которые позволили проинтерпретировать механизмы работы резильентности в контексте конкретных биографий.

Российский режим перехода к взрослости

Используя концепт режима перехода, мы выделяем основные черты российского взросления. Социальная политика в отношении молодежи исходит из «приоритета обеспечения благополучного и защищенного детства» [Доклад по итогам..., 2018], и риторика детствосбережения в отношении этой возрастной группы оформляет ее зависимое и подчиненное положение по отношению к «старшим» (в роли которых могут выступать родители или государство). Идеологически молодежь рассматривается как трудовой и демографический «резерв» [Чернова, 2010], как ресурс сохранения устойчивости политической системы [Чекмарев, 2017], что также символически лишает ее агентности. Такая символическая конструкция молодежи поддерживается основными мерами помощи, адресованными этой возрастной группе. Последние скорее ориентированы на сохранение зависимой позиции молодых людей в контексте государственного и/или семейного патернализма, нежели на стимулирование автономии, экономической самостоятельности и раннего выхода на рынок труда.

Для российской молодежи вне зависимости от социально-экономического статуса образование выступает основным институтом перехода, выполняющим роль «социального сейфа» [Беляков, Клячко, Полушкина, 2018: 44]. При этом институциональный дизайн образования предполагает достаточно много возможностей выбора для построения индивидуализированных траекторий, соответствующих предпочтениям учащихся и социально-экономическим ресурсам их

семей. Среднее общее образование является обязательным¹. Образовательная специализация начинается по окончании основного общего образования (9 классов) в возрасте 15—16 лет. После этого молодые люди могут продолжить обучение в старшей школе или поступить в систему СПО², то есть сделать выбор между академическим и профессиональным образовательными треками. После окончания 11 классов в возрасте 17—18 лет молодые люди снова сталкиваются с необходимостью принять решение о том, как будет выстроена их дальнейшая образовательная траектория. Они могут продолжить академический трек, поступив в вуз, или же перейти на профессиональный трек, выбрав обучение в учреждениях СПО, которое может завершиться выходом на рынок труда или переходом в систему высшего образования (ВО). В систему послешкольного образования попадает почти 100 % молодежи, из них 60,2 % поступают в вузы, а 39,4 % — в систему СПО [Чередниченко, 2019: 97]. Согласно статистическим данным, массовый выход молодежи на рынок труда происходит в возрасте 25—29 лет [Рабочая сила..., 2018: 31]. До достижения 18 лет выход на рынок труда возможен только на условиях неполной занятости в свободное от учебы время. Отсутствие политики активации занятости молодежи на фоне массовизации послешкольного образования, в том числе за счет расширения возможностей обучения на платной основе, приводит к тому, что показатели экономической активности молодежи в возрасте до 25 лет остаются минимальными [Чередниченко, 2010: 54]. Таким образом, российский режим перехода связан, прежде всего, с получением послешкольного образования (СПО и ВО).

В период получения послешкольного образования основным источником поддержания благосостояния молодых людей выступает родительская семья [Константиновский, 2018]. Это косвенно также подтверждают данные об экономической активности молодежи, а также о начале независимой от родительской семьи жизни. В 2014 г. экономически активными среди молодежи в возрасте 20—24 лет были 22,2 %, среди 25—29 лет — 38,1 % [Бобков, Бобков, 2016: 12]. В 2016 г. 23 % 25—34-летних россиян продолжали жить с родителями [Радаев, 2020: 72]. В целом поддержка семьи в процессе перехода выступает критическим ресурсом для молодых людей, обеспечивая возможность совершения образовательного выбора и получения послешкольного образования, образовательной миграции в крупный город с более развитой экономической инфраструктурой, приобретения или аренды жилья, а также постепенного выхода на рынок труда, компенсируя риски длительного поиска работы, безработицы и неформальной занятости [Walker, 2018; Чередниченко, 2019].

Выпускники детских домов в официальной риторике определяются не как «ресурс», а как «проблема» [Walker, 2018], что легитимирует повышенную опеку и контроль со стороны государства в отношении этой группы молодежи. При этом специфика их взросления определяется российским режимом перехода к взрослости, ориентированным на достаточно длительный образовательный переход.

¹ См. ст. 66 п. 5 Федерального закона № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/66c0c83e63d34f08870033f56479217971de7ae4/ (дата обращения: 16.06.2020).

² СПО — среднее профессиональное образование.

Формальный статус, которым обладают представители данной социальной группы, предполагает их зависимость не от семьи, а от государства как основного источника благополучия, что находит свое выражение в многочисленных мерах поддержки и льготах, которые они получают в рамках социальной политики.

Начиная с конца 1990-х годов государство предоставляет достаточно широкий перечень мер поддержки, адресованных детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Многие из них направлены на обеспечение доступа к образованию: льготы при поступлении в высшие учебные заведения, а также возможность получить две специальности в системе СПО на полном государственном обеспечении, выплату повышенной стипендии, предоставление бесплатного места в общежитии, обеспечение бесплатным питанием в течение дня. Целый ряд других мер также привязан к статусу студента: обеспечение одеждой, учебниками и канцтоварами, льготы при проезде в общественном транспорте и проч. Помимо вышеперечисленных мер государство предоставляет детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, жилье³. Государственные выплаты, пособия и льготы заканчиваются при достижении молодыми людьми 23 лет. Этот возраст отмечает период, по окончании которого выпускники детских домов должны стать «взрослыми», то есть получить образование и обрести финансовую и жилищную автономию.

Результаты социологических исследований показывают, что профессиональный трек (поступление в учебные заведения СПО после получения полного среднего образования) является наиболее массовой и стандартизированной траекторией образовательного перехода выпускников детских домов. Так, 77,3% воспитанников детских домов после окончания 9 класса поступают в учреждения СПО по программам подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена, в то время как в систему высшего профессионального образования попадает не более 7% выпускников [Ослон, 2016: 148]. При этом выпускники детских домов часто используют имеющееся у них право получения двух специальностей СПО, оставаясь в системе послешкольного образования и государственной помощи до 23 лет [Абрамов и др., 2016].

В отличие от остальной молодежи, и прежде всего молодежи из среднего класса, для которой период получения послешкольного образования является временем саморазвития, поиска себя, совершения жизненных выборов и биографических экспериментов, для выпускников детских домов период получения образования — период продленной зависимости, дисциплинарного контроля со стороны образовательных учреждений и ограниченности индивидуального выбора. Сам образовательный выбор вписан в логику функционирования системы заботы о детях-сиротах и поддерживается институциональным альянсом детских домов и образовательных учреждений [Чернова, Шпаковская, 2020]. Выход на рынок труда по окончании обучения также откладывается мерами социальной политики, которые не способствуют преодолению зависимости от государственных выплат (в виде пособия по безработице) и обретению экономической независимости.

³ См. ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ от 21.12.1996 «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/785ff748eda8db09e9275dc8231632fa1a2d0062/ (дата обращения: 16.06.2020).

Достижение жилищной автономии также не соответствует индивидуальным потребностям и предпочтениям молодых людей, поскольку практика распределения жилья детям-сиротам [Отчет о результатах..., 2020] не ориентирована на обеспечение выборности региона и места проживания.

В целом, хотя режим перехода выпускников детских домов вписан в общую логику взросления российской молодежи в рамках образования, государственный патернализм не дает возможности выбора и поддерживает пассивную, зависимую позицию выпускников как получателей стандартизированной государственной помощи. Далее, используя концепцию резильентности, мы проанализируем каким образом, при наличии сходного объема ресурсов, одни выпускники совершают восходящую социальную мобильность, а другие переживают социальное поражение.

Траектории перехода: анализ биографических кейсов

На основе анализа массива эмпирических данных нами были выбраны три биографических кейса, каждый из которых представляет одну из траекторий перехода к взрослости: движение вперед, адаптация и скатывание. Поскольку связь между институционализированным жизненным циклом и биографией диалектическая [Walther, 2006], биографические нарративы, с одной стороны, представляют собой уникальные истории взросления, а с другой — оказываются структурированными доступными ресурсами, нормативными образцами и системами интерпретации последовательностей событий перехода.

Траектория движения вперед

Случай Светланы⁴: «Забивать, играть, выигрывать, и все зависит только от меня»

В качестве примера того, как формируется и работает резильентность, способствующая восходящей социальной мобильности, мы выбрали случай Светланы (19 лет). Это один из наиболее успешных кейсов в нашем массиве данных, тем не менее, он типичный, поскольку в нем артикулируются основные факторы резильентности, выделенные также и в других интервью. Среди них: разделение ценности образования и хорошая школьная успеваемость, наличие сильных сетей социальной поддержки, успехи во внешкольной активности.

На момент интервью Светлана учится в педагогическом колледже на преподавателя физической культуры и профессионально играет за городскую спортивную команду по женскому футболу. Она живет в детском доме одного из российских крупных региональных городов, поскольку в колледже, где она учится, нет общежития. Она также стоит в очереди на получение жилья. Светлана оказалась в системе учреждений институциональной заботы в три года: по ее словам, туда ее «сдала» кровная семья. Своих родственников она не знает и не хочет установить с ними контакты в будущем. Всего Светлана побывала в четырех учреждениях для детей-сирот.

Спорт занимает центральную роль в ее рассказе о своем опыте взросления, поскольку благодаря успешной игре за различные спортивные команды она полу-

⁴ Здесь и далее имена изменены.

чила жизненный опыт за пределами детского дома, имела возможность общения с находящимися вне системы институциональной заботы сверстниками и взрослыми. Благодаря спорту Светлана выбрала будущую специальность. Она уже имела опыт выступления за московский футбольный клуб и даже за молодежную сборную России. На момент интервью контракт с московским клубом закончился, и Светлана вернулась в родной город, ожидая подписания следующего контракта.

Как и многие другие воспитанники детских домов, Светлана еще в детстве начала заниматься в спортивной секции. Успехи в спорте помогли ей понять важность образования: Светлана начала хорошо учиться в школе, которую посещали воспитанники ее детского дома, и это дало ей возможность затем поступить в школу олимпийского резерва. Улучшение академической успеваемости стало возможным благодаря тому, что ей были доступны дополнительные ресурсы в виде образовательной программы благотворительного фонда. В случае Светланы желание учиться лучше и дополнительные образовательные возможности могут рассматриваться как элементы формирования резильентности. Важную роль здесь играет и поддержка значимых взрослых, а именно тренера команды. В интервью можно проследить тот момент, который сама информантка определяет как «щелчок», когда она начала понимать, что может самостоятельно действовать и выбирать свою судьбу:

*Еще тренер мне говорил, что «Свет, как ты учишься, так ты и играешь в футбол». И тогда я поняла, действительно, что пора что-то менять. А потом я узнала, что фонд помимо онлайн-обучения еще проводит мотивационные тренинги. Началось все с того, что я сначала посетила тренинг. И, наверное, за эти два дня у меня [произошел] **такой щелчок**, что я поняла, что надо все менять. Если я хочу жить, как я хочу, то надо что-то менять и, конечно же, начинать именно с учебы. И я сразу же записалась онлайн, сразу добавила уроки и сразу стала заниматься. И результат пошел.*

Высокая академическая успеваемость позволила ей не только выстроить индивидуализированную образовательную траекторию и противостоять навязанному образовательному выбору со стороны персонала детского дома, но и прийти к пониманию своей версии жизненного проекта, отличной от стандартного жизненного сценария.

Они говорили, что «Света, заканчивай ты этот свой футбол, ты на нем далеко не уйдешь. Оно тебя не прокормит, займись делом: отучись, получи профессию, заведи семью и живи». <...> Но я на тот момент поняла, что я стану тем, кем я хочу, а не тем, кем они хотят: получить какую-нибудь профессию и работать. А я никогда этого не хотела, я всегда говорила, что я хочу быть педагогом, учить детей, вот, и сама образовываться. Они мне говорят: «Какой из тебя педагог».

Благодаря спорту и участию в дополнительных образовательных программах у Светланы сформировались сильные сети социальной поддержки. Структура ее социального капитала разнообразна, имеющиеся социальные контакты не связаны исключительно с детским домом. Она поддерживает отношения с воспита-

телями из тех детских домов, где она жила, и даже называет работавшую с ней социального педагога «своим лучшим другом», к которому она может обратиться за советом и помощью. Светлана рассказывает, что во время периода жизни в Москве она не прерывала контакты с сотрудниками своего детского дома, приезжала туда на праздники и выходные, а после завершения спортивного контракта в Москве «ее с радостью приняли обратно». Светлана также общается с сотрудниками благотворительного фонда, в чьих программах она принимала участие. Важно отметить, что эта коммуникация не прерывалась после того, как она поступила на учебу, а продолжается в форме дружеских отношений.

И многие из них [сотрудников фонда] для меня стали не просто друзьями, а очень близкими друзьями. Вот и даже когда я жила в Москве, мы с ними были 24/7 в контакте. И я ходила на все мероприятия к ним, мы с ними общались очень тесно. И даже сейчас, когда мы бываем в Москве, мы всегда пересекаемся. Они ходят на все мои матчи и в принципе мы всегда с ними в контакте. Вот и это дружба вот такая вот у нас вылилась.

Светлана старается не поддерживать близких дружеских отношений с другими воспитанниками и выпускниками детских домов, объясняя это тем, что обычно они обращаются к ней только «когда им нужны деньги». Она считает своими ближайшими подругами сверстниц вне детского дома — девушек из спортивной команды. Таким образом, ее социальные сети являются ресурсными, разнообразными по своему составу. Сама она обладает коммуникативной компетентностью, поскольку умеет не только завязывать, но и активно поддерживать устойчивые взаимоотношения.

У Светланы есть достаточно четкое представление о том, чего она хочет добиться в жизни и что она должна для этого сделать. Важной частью ее жизненной стратегии является получение профессионального образования, которое позволит ей использовать свой личный опыт и знание того, как устроена спортивная жизнь.

Вообще хочу я сейчас вот доучиться и потом поступить в Москву или на спортивного психолога, или на спортивный менеджмент. Что-то рядом с футболом, чтобы и как преподаватель, и как спортивный психолог или спортивный менеджмент. Мне самой это интересно, и, в принципе, я буду полезной, и знаю, что сейчас это очень актуально, так как я сейчас профессиональный спортсмен, сталкиваюсь со многими такими вопросами и понимаю, что это очень актуально.

Профессиональная мечта — стать игроком национальной сборной по футболу. Светлана верит, что сможет достичь своих целей, поскольку знает, что нужно для этого делать: «забивать, играть, выигрывать, и все зависит только от меня!»

Отличительной чертой биографических нарративов выпускников, «двигающихся вперед», является развернутый рассказ о своей жизни, использование активного залога «Я», представляющего говорящего как активного действующего субъекта. Сама биографическая структура повествования выстроена как рассказ о преодолении трудных жизненных обстоятельств [Галушина, 2019: 162]. На основе анализа случая Светланы, а также других интервью, которые мы отнесли

к траектории движения вперед, показана роль в успешной модели таких факторов, как возможность совершить индивидуальный образовательный выбор, широкие социальные сети поддержки, наличие позитивных образцов поведения. Благодаря этим факторам Светлана смогла вписать свою личную историю в российский режим перехода, связанный с мобильностью через систему образования, характерный для среднего класса и предполагающий возможность выбора. Если в случае «домашних» детей поддержку выбора в образовательной мобильности берет на себя семья, то для выпускников детских домов внешкольное образование и помощь НКО могут быть ресурсом индивидуализации, которая связана с построением не только образовательной траектории, но и жизненного проекта в целом. В этом случае статус выпускника детского дома дает широкие возможности. Высокий уровень резильентности позволяет молодым людям оценивать эти меры поддержки как ресурсы, формировать собственные цели и использовать данные ресурсы для их достижения.

Адаптивная стратегия

История Сергея: «У нас очень простые показатели успешности выпускников: он учится в колледже либо встал в центр занятости населения, или пошел в армию, он не сидит»

Адаптивная траектория связана с ситуативным использованием доступных выпускникам детских домов возможностей. В этих случаях не происходит образовательного перехода в направлении профессий среднего класса, но удается воспользоваться имеющимися «под рукой» ресурсами, оставаясь в пределах социальных возможностей, предоставляемых стандартизированным институционально оформленным переходом. В качестве эпиграфа мы выбрали слова одного из принявшего участие в исследовании экспертов, которыми он обозначает специфику социальных позиций выпускников детских домов как стабильных, но находящихся на относительно небольшой дистанции от маргинализации. Эти жизненные истории связаны с низкой резильентностью, что находит выражение на уровне нарративов в их немногословности, частом использовании пассивного залога, представлении себя объектом действий других или участником коллективного действия, в котором «я» не артикулировано. Такие истории рассказываются как будто нехотя, через перечисление основных событий жизни.

В качестве примера адаптивной траектории перехода мы выбрали историю Сергея (27 лет). Он родился в Санкт-Петербурге и был изъят из семьи в раннем возрасте, поскольку мать злоупотребляла алкоголем. Отца Сергей не помнит, а о матери говорит, что она с ним не общалась, хотя он и хотел поддержать с ней контакт. Мать умерла до достижения Сергеем совершеннолетия. О детском доме Сергей практически ничего не рассказывает. Несмотря на то, что он находился там в течение всего детства, у него не сформировалось близких отношений с воспитателями. О своем опыте пребывания в детском доме он отзывался нейтрально: «люди там хорошие, можно было много чему научиться». После выпуска его контакты с сотрудниками учреждения прекратились, и он никогда не обращался к ним за помощью. Он почти ничего не говорит о своих друзьях, упоминая только, что со времен детского дома у него «сохранился один друг».

Учиться в школе Сергею было неинтересно, поэтому школьная успеваемость была «не очень». После окончания 9 классов Сергей был зачислен в профессиональное училище. Его возможности выбора специальности, в первую очередь из-за низкой успеваемости, были крайне ограниченными, однако Сергей не оспаривает эту ситуацию, представляя ее как нормальную: «[Поступил] в училище строительное. У меня было три профессии: повар, столяр, маляр-штукатур. Мне посоветовали пойти на маляра, два года учился там». Сергей объясняет предложенный ему выбор тем, что при училище было общежитие, в котором проживали выпускники как его детского дома, так и других интернатов города. Во время жизни в общежитии Сергей, судя по всему, столкнулся с дедовщиной, к которой он со временем адаптировался: «Бывало не очень хорошо. Просто я пришел в такое время, что там уже и взрослые были. Немножко плохо было, но, когда я уже привык, когда некоторые выпустились, стало налаживаться, и хорошо было».

После выпуска и достижения совершеннолетия Сергей вернулся в комнату в коммунальной квартире, которая раньше принадлежала его матери. Там он испытывал сложности в связи с необходимостью самостоятельного проживания. Появились и случаи воровства. Сергей не понимал правил взаимодействия в коммунальной квартире, порядок пользования общими и личными вещами, переносил опыт и правила коллективного проживания детского дома во взрослую и самостоятельную жизнь.

Соседи взяли неформальное шефство над Сергеем, что сыграло решающую роль в его жизни. Благодаря их советам и помощи он смог освоить правила пользования общим имуществом в квартире, наладить свой быт. Они же помогли ему сделать ремонт в своей комнате. Сосед Юрий фактически стал наставником для Сергея, постоянно участвуя в его жизни и помогая справляться со сложными жизненными ситуациями. Юрий, предприниматель, устроил Сергея работать в свою фирму по производству мебели, где Сергей освоил столярное дело и продолжал работать на момент интервью. Юрий также неоднократно останавливал Сергея от совершения опрометчивых поступков, которые могли иметь для него негативные последствия. Так, когда к Сергею приходили в гости «сомнительные личности» (друзья по детскому дому, другие знакомые), которые употребляли алкоголь, Юрий контролировал их поведение, обеспечивая также безопасность других жильцов квартиры. Кроме того, Юрий пресек попытки Сергея заняться нелегальным бизнесом, связанным с мошенничеством.

Юрий Владимирович мне очень много помогает по жизни. Если бы не он, то, может, и на зоне я был сейчас. Он мне совет даст, наставит на ум, и деньгами даже помогал. Я очень благодарен Юрию Владимировичу, один бы я пропал точно.

На момент интервью Сергей снимал жилье недалеко от места работы, а свою комнату в коммунальной квартире сдавал. У него не было постоянной партнерши, и он имел довольно размытые планы относительно будущей семейной жизни. Можно сказать, что он, несмотря на свой возраст, по-прежнему находился в процессе перехода, поскольку продолжал зависеть от помощи и контроля Юрия.

Данный кейс мы относим к адаптивной траектории в связи с тем, выпускник смог приобрести и сохранить доступные ему ресурсы и статусы, связанные с взрослой жизнью: образование, жилье, работа. При этом меры государственной поддержки для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, были использованы им минимально в том числе и из-за отсутствия практических знаний, а также нехватки информации о доступной поддержке со стороны государства и НКО. В его случае стабилизирующим механизмом попадания в адаптивную траекторию перехода стала помощь соседей по коммунальной квартире, что фактически остановило его «скатывание». В историях других выпускников такую стабилизирующую роль может выполнять помощь благотворительных фондов или наставников, а в случае брака — семья мужа или жены.

Переход Сергея оказался, с одной стороны, вписан в российский режим перехода, поскольку связан с получением образования, а с другой — выпадает из него. Основным институтом перехода фактически оказалось не образование, а соседство по коммунальной квартире и работа на фабрике. Наставничество со стороны соседа помогло сделать переход индивидуализированным, предоставить именно ту помощь, которая была необходима молодому человеку в контексте его биографической ситуации. Этот переход можно было бы назвать переходом индустриального типа от школы к фабрике, но он так и не был завершен, поскольку не привел к личностной автономии и принятию личной ответственности за свое благополучие, которые ожидаются от индивидов в обществе риска.

Траектория скатывания

Случай Насти: «Опыт детского дома редко приводит к успеху. Чаще он ведет к разочарованию в себе и мире, асоциальному образу жизни, криминалу, зависимостям, лишению свободы и социально неодобряемым заболеваниям»

Эксперты и специалисты, работающие с воспитанниками детских домов, говорят, что нет никаких достоверных данных о том, как в долгосрочной перспективе складывается жизнь выпускников детских домов. Став взрослыми, молодые люди теряют связь с детским домом и работающими с ними НКО, а данные государственной статистики не собирают информацию о представителях этой социальной группы после достижения ими 23 лет. Несмотря на то, что проводились качественные и количественные исследования выпускников детских домов, участниками их становились относительно успешные молодые люди и девушки, которые поддерживают контакты с НКО, интернатными учреждениями и готовы поделиться своим мнением и/или опытом. Выпускники, оказавшиеся на траектории скатывания, находятся в «слепом пятне» как для исследователей, так и для специалистов, работающих в сфере постинтернатного сопровождения, так как, по словам экспертов, по достижении 23 лет они нередко исчезают из поля их зрения. В нашем исследовании респондентами стали относительно успешные выпускники, поддержанные благотворительным фондом. При этом эксперты, работающие с выпускниками, полагают, что траектория скатывания не является редкой.

Это достаточно типичный, я бы даже сказал — довольно шаблонный путь для наших ребят. Нам приходится работать не с мотивированными, горящими на свершения, же-

лающими учиться, работать, жить. Наша аудитория — из побитых жизнью, отверженных, маргинальных выпускников, которые не смогли найти себя в жизни после выпуска. (Сотрудник НКО в сфере постинтернатного сопровождения)

Для того, чтобы компенсировать нехватку эмпирических данных о биографических нарративах выпускников, потерпевших социальную неудачу, мы обратились к открытым материалам блогов и социальных сетей, в которых представлены жизненные истории выпускников, рассказанные как от первого лица, так и от лица взрослых, участвующих в помощи им в трудной жизненной ситуации.

Чтобы понять, насколько типична для российского контекста траектория скатывания, можно привести публикации на личной странице в социальной сети Facebook одной из бывших воспитанниц детского дома. Она приводит следующую информацию о том, как сложилась судьба ее одноклассников (1984—1985 г. р.). Вместе с ней из детского дома выпустились 17 человек, после чего «почти все они закончили ПТУ». К моменту написания поста в Facebook в 2020 г. автору было известно, что только пять человек вели стабильную жизнь: «реализовались в жизни потихоньку»; шесть человек умерли; один проживал в религиозной общине. Из всей группы шесть человек имели опыт тюремного заключения (некоторые неоднократно); двое имели опыт жизни на улице; один стал инвалидом в результате ДТП. Про четверых выпускниц автору поста было известно, что у них родились дети. Одна из них отказалась от ребенка. Данный пост также позволяет реконструировать основные жизненные события, связанные с траекторией скатывания, к которым относятся безработица, бездомность, злоупотребление алкоголем, судимость, ранняя смерть.

Для детального изучения того, как происходит попадание на эту жизненную траекторию, мы выбрали историю Настя, рассказанную сотрудником НКО, работающей в сфере постинтернатного сопровождения, в блоге этой организации. Настя умерла в 19 лет от серьезного инфекционного заболевания, ставшего в том числе «следствием наплевательского отношения к своему здоровью, склонности к саморазрушению и отсутствия навыков нести ответственность». Настя была изъята из семьи и провела несколько лет в системе интернатных учреждений, имея травмирующий опыт перемещения между детскими домами. После выпуска из интерната она стала учиться в профессиональном училище по специальности маляра и жила в общежитии при этом учебном заведении. После окончания училища она оказалась в сложной ситуации. В сентябре она должна была быть зачислена в другое училище на специальность «овощевод» и снова получить место в общежитии, но в период летнего перерыва надо было «где-то и на что-то жить». Из-за отсутствия места проживания она была вынуждена вернуться в квартиру к биологической матери, страдающей запойным алкоголизмом.

Однако жизнь с мамой как-то сразу не заладилась. Мама работает на приеме бутылок, зарабатывая 100 рублей в сутки. Большая часть этих денег пропивается, остальные тратятся на сигареты. Живет мама по графику — неделю работа, неделю — беспробудное пьянство. Ну, а с волками жить — по-волчьи выть.

Несмотря на то, что Настя в связи с ее статусом имела право на получение пособия и место временного проживания на период летних каникул (например, в социальной гостинице), она не смогла ими воспользоваться. Это может быть интерпретировано как результат недостаточной резильентности, не позволившей ей справиться с ситуацией временного выпадения из системы государственной помощи и институционализированных форм поддержки, а также с необходимостью самостоятельного действия для решения проблемы поиска жилья и средств существования. В течение двух месяцев Настя голодала, поскольку в этот период она была вынуждена проживать с матерью, образ жизни которой не позволял получить от нее поддержку и элементарные формы заботы. Через некоторое время биологическая «мать выгнала ее из дома», она была вынуждена жить на улице.

Оказалось, что любые возможные страхующие механизмы (меры государственной поддержки, НКО, семья, сети поддержки) в ее случае не сработали. У нее не было адекватных знаний о работе государственных учреждений, как не было и компетенций, связанных с обращением к специалистам из органов опеки и попечительства или к работающим в этой сфере НКО. «Родной брат помогать отказался: «У меня своя семья, свои проблемы!»». После того как она оказалась на улице, НКО попыталась помочь ей в получении бесплатной путевки в летний лагерь, где она могла бы пробыть до начала учебного года. В сентябре она начала учиться на другой специальности СПО (в соответствии с правом на получение двух специальностей в системе СПО), где ей предоставили место в общежитии. Однако «нормализовать» свою жизнь Алене не удалось. Она была отчислена после первого курса. Сотрудник НКО описывает следующим образом хронологию ее жизни в этот период:

Теперь Настя учится на овощевода. Предыдущий курс прошел как в тумане — на уроках толком не была, в предмет особо не вдавалась. Радовалась тому, что есть общежитие <...> [Настя] клянется и божится что все осознала и поняла, что будет учиться и не прогуливать, что не будет больше пить и начнет уже наконец есть...

Правда 3 сентября, когда все ее сокурсники пошли первый раз на второй курс, она провела день с мамой — мама была слишком пьяна, чтобы принимать бутылки — Настя вызвалась поработать за нее. Потом они это дело отметили... Поэтому 4 сентября она тоже не смогла пойти на уроки.

5 сентября так сильно хотелось спать, что когда проснулась, оказалось что успеваешь только к последней паре — к физкультуре, от которой освободили из-за больных почек. Поэтому решила не идти...

6 сентября отметили с ней праздник — начало учебного года. Ее собственное начало, когда она наконец появилась в училище, о чем мне радостно и сообщила, попросив денег на «праздничный стол», состоящий из кипятка и «бич-пакетов» (лапша быстрого приготовления по 5 рублей). <...> Появились «хорошие» друзья, а вслед за ними и регулярные пьянки на не очень большую «стипуху». Из общежития «попросили», друзья приютили, пьянки стали чаще и тяжелее...

После отчисления Настя потеряла доступ к социальной поддержке, распределяемой через образование: места в общежитии, стипендии, обеспечение питанием и одеждой. В результате она снова вернулась жить к своей биологической матери, не устроилась на работу по первой полученной специальности и не смогла найти другого постоянного способа заработка, получала небольшие деньги за помощь соседям по коммунальной квартире (мыть полы, покупать продукты, убирать комнату и пр.). Через некоторое время Настя умерла от инфекционного заболевания и неполученной вовремя необходимой медицинской помощи.

Данная история позволяет реконструировать причины попадания на нисходящую жизненную траекторию. Настя была встроена в институционализированный образовательный переход, но формальные правила, регламентирующие окончание первой специальности СПО и начало получения второй, создают критическую биографическую ситуацию. Насте не удается вписаться в российский переход через систему образования. Институты образования и социальной поддержки оказались крайне нечувствительными к ее индивидуальным потребностям. У Насти также отсутствовали ресурсы, которые могли бы стать факторами резильентности и позволили бы ей развить способность к самостоятельному действию для решения проблем. Она не видела ценности в образовании, успеваемость ее была крайне низкой; социальные сети практически не включали ресурсных взрослых и работали в направлении социальной дезадаптации. Таким образом, случай Насти — это случай крайне низкой резильентности, связанной как с нехваткой внешней индивидуализированной помощи, так и отсутствием внутренних ресурсов для преодоления проблемных ситуаций. В других жизненных историях выпускников детских домов попадание на нисходящую траекторию связано с потерей жилья или накоплений в результате обмана, получения травмы, совершения правонарушения и т. п.

Заключение

Зарубежные и российские исследования акцентируют внимание на роли социальной политики как структурирующего фактора, определяющего характер и логику перехода. При этом они отмечают, что в современной ситуации происходит отказ от стандартизированной модели перехода молодых людей к взрослой жизни, поскольку биография индивида и сценарии взросления зависят от гендера, классовой позиции, этнической, религиозной принадлежности и пр.

Современные молодые люди в гораздо более позднем возрасте входят в самостоятельную жизнь, осуществляя длительный, фрагментированный и асинхронный переход. Исследования поколения миллениалов показывают, что сегодня характерна относительно поздняя сепарация от родительской семьи, сравнительно низкая ценность формального образования, частая смена места работы, а также более позднее вступление в брак и рождение первого ребенка по сравнению с предыдущим поколением [Радаев, 2020]. Сегодня, особенно для представителей среднего класса, ценность приобретает поиск себя и саморазвитие, что входит в противоречие с рутинной работой ради денежного вознаграждения и необходимостью взять на себя «взрослые» обязанности по материальному обеспечению себя и своей семьи. В то же время выпускники детских домов вынуждены делать

значимые жизненные выборы, в первую очередь в сфере образования, в более раннем возрасте. Структурные условия перехода, такие как социальная политика, требуют от них стать резильентными в более жестко обозначенных временных рамках и сделать это фактически сразу после окончания 9 класса. В отличие от «домашних» детей, в случае неудачи они не имеют возможности вернуться под опеку, чтобы пережить типичные для молодежи в целом личностные трудности, связанные с поисками идентичности и самоопределением.

На основе анализа собранных эмпирических данных были выявлены и описаны типичные траектории перехода, характерные для ситуации взросления воспитанников детских домов в российском контексте. Материалы и результаты исследования показывают, что переход выпускников детских домов является процессом, сопровождаемым множеством рисков. Даже если подростки имеют необходимые качества резильентности для выбора одной из успешных биографических траекторий (движение вперед и адаптивная), они не застрахованы от скатывания. В этом отношении их биография оказывается «хрупкой», поскольку различные внешние вызовы и стрессорирующие факторы (например, финансовое и квартирное мошенничество, с которым могут столкнуться выпускники, рождение ребенка, общение с кровной неблагополучной семьей, негативный опыт школьного и послешкольного образования, отсутствие поддержки от близкого окружения и др.) могут оказать разрушительный эффект на их последующую жизнь.

В жизни выпускников детских домов отсутствуют страхующие механизмы, которые могут взять на себя компенсацию риска, если это необходимо. В случае молодых людей из кровных семей таким страхующим институтом выступает семья, которая может предоставить свои ресурсы (материальные, а также дружеские и родственные связи) не только в период кризисной ситуации, но и на всех этапах перехода ко взрослой жизни. Социальные сети выпускников учреждений оказываются слабыми как с точки зрения ресурсности их участников (друзья из детского дома, сиблинги, социально неблагополучные родственники), так и с точки зрения силы связей этих сетей, поскольку отношения со взрослыми часто формальны. При этом институты, внутри которых происходит переход, прежде всего институты образования, сами представляют собой конкурентные среды, в которых агенты со слабыми позициями и ресурсами, каковыми являются выпускники детских домов, вытесняются в наименее перспективные и престижные заведения. Таким образом, для формирования устойчивой резильентности как внутреннего ресурса, позволяющего справиться с возникающими рисками, нужны поддерживающие институты, страхующие выпускников в случае неудачи, предоставляющие им пространство и время для адаптации к вызовам взрослой самостоятельной жизни, а также совершения ими индивидуализированного выбора.

Список литературы (References)

Абрамов Р. Н., Антонова К. А., Грач Е. А., Ильин А. В., Любарский Г. Ю., Чернова Ж. В. Траектории социальной и профессиональной адаптации выпускников детских домов в России. Обзор исследовательского отчета. М.: СБ Групп, 2016.

Abramov R. N., Antonova K. A., Grach E. A., Ilyin A. V., Lyubarskiy G. Yu., Chernova Zh. V. (2016) Trajectories of Social and Professional Adaptation of Graduates from Orphanages in Russia. Research Report Overview. Moscow: CB Group. (In Russ.)

Антонова К. А., Абрамов Р. Н. Региональные медиа о социальной адаптации выпускников детских домов: Тематический анализ публикаций за период 2014—2015 гг. // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 3. С. 421—434. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-3-421-434>.

Antonova K. A., Abramov R. N. (2017) Social Adaptation among Graduates from Orphanages in the Russian Media: A Thematic Analysis of Publications for 2014—2015. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No. 3. P. 421—434. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-3-421-434>. (In Russ.)

Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008.

Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)

Галушина Н. С. Возможности качественной методологии в социокультурном исследовании сиротства // Без родителей : Сиротство как социокультурное явление / отв. ред. Н. С. Галушина. М.: РГГУ, 2019. С. 153—168.

Galushina N. S. (2019) Opportunities of a Qualitative Methodology in Conducting Sociocultural Study of Orphanhood. In: Galushina N. S. (ed.) *Without Parents: Orphanhood as a Sociocultural Phenomenon*. Moscow: Russian State University for the Humanities. P. 153—168. (In Russ.)

Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)

Беляков С. А., Клячко Т. Л., Полушкина Е. А. Среднее профессиональное образование: состояние и прогноз развития. М.: Дело, 2018.

Belyakov S. A., Klyachko T. L., Polushkina E. A. (2018) *Secondary Vocational Education: Status and Prospects*. Moscow: Delo. (In Russ.)

Бобков В. Н., Бобков Н. В. Экономическая активность российской молодежи и проблемные зоны ее реализации // Уровень жизни населения регионов. 2016. № 2. С. 8—29.

Bobkov V. N., Bobkov N. V. (2016) Economic Activity of Russian Youth and the Problem Zones of Its Implementation. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. No. 2. P. 8—29. (In Russ.)

Дементьева И. Ф. Социальная адаптация детей-сирот: проблемы и перспективы в условиях рынка // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 62—70.

Dementyeva I. F. (1992) Social Adaptation of Orphans: Problems and Prospects in the Context of Market. *Sociological Studies*. No. 10. P. 62—70. (In Russ.)

Константиновский Д. Л. Неравенство в российском образовании: XX — начало XXI вв. // Образование и социальная дифференциация / отв. ред. М. Карной, И. Д. Фруммин, Н. Н. Кармаева. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. С. 203—225.

Konstantinovskiy D. L. (2018) Inequality in Russian Education: 20th — Beginning of the 21st Century. In: Karnoy M., Frumin I. D., Karmaeva N. N. (eds.) *Education and Social Differentiation*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. P. 203—225. (In Russ.)

Корнеева А., Стрельникова А. В. Детдомовцы и воспитанники патроната на пороге взрослой жизни // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2009. Т. 4. № 5. С. 69—82.

Korneeva A., Strelnikova A. V. (2009) Orphans and Pupils of Patronage on the Threshold of Adulthood. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 4. No. 5. P. 69—82. (In Russ.)

Ослон В. Н. Дети-сироты в образовательном пространстве России (по результатам опроса регионов о реализации гарантий доступности качественного образования для детей-сирот и лиц из их числа и поддержки их на всех уровнях образования) // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 1. С. 146—155. <https://doi.org/10.17759/pse.2016210113>.

Oslon V. N. (2016) Orphan Children in the Educational Space of Russia (Following a Survey on Regional Guarantees of Educational Opportunities and Support for Orphans at all Levels of Education). *Psychological Science and Education*. Vol. 21. No. 1. P. 146—155. <https://doi.org/10.17759/pse.2016210113>. (In Russ.)

Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка выполнения поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, направленных на улучшение жизни детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за период 2017—2019 годов». М.: Счетная палата Российской Федерации, 2020. URL: <http://audit.gov.ru/upload/iblock/caf/cafa7c08b272e3db63b65ed7f525b2cf.pdf> (дата обращения: 16.06.2020).

A Report on the Results of the Expert — Analytical Event “Evaluation of the Implementation of Instructions of the President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation Aimed at Improving the Quality of Life of Orphans and Children without Parental Care (2017—2019)”. Moscow: Accounts Chamber of the Russian Federation, 2020. URL: <http://audit.gov.ru/upload/iblock/caf/cafa7c08b272e3db63b65ed7f525b2cf.pdf> (дата обращения: 16.06.2020). (In Russ.)

Павлова Е. Б., Гудалов Н. Н., Коцур Г. В. Концепция стрессоустойчивости в политической науке: на примере биополитических практик в Российской Федерации // Политическая наука. 2018. № 1. С. 201—222.

Pavlova E. B., Gudalov N. N., Kotsur G. V. (2018) The Concept of Resilience in Political Science: The Example of Biopolitical Practices in the Russian Federation. *Political Science (RU)*. No. 1. P. 201—222. (In Russ.)

Присяжная Н. В. Дети-сироты: постинтернатное жизнеустройство // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 54—63.

Prisyazhnaya N. V. (2007) Orphan Children: Entering Life after Graduation. *Sociological Studies*. No. 11. P. 54—63. (In Russ.)

Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018 : стат. сб. М., 2018.

Manpower, Employment and Unemployment in Russia (According to the Results of Sample Surveys of Manpower). 2018. Statistical Digest. Moscow, 2018. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы : Как меняется российское общество. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020.

Radaev V. V. (2020) Millennials: How the Russian Society Changes. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Романова Т. А. Категория «стрессоустойчивость» в Европейском Союзе // Современная Европа. 2017. № 4. С. 17—28.

Romanova T. A. (2017) "Resilience" Category in the European Union. *Contemporary Europe*. No. 4. P. 17—28. (In Russ.)

Доклад по итогам мониторинга эффективности реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы / под науч. ред. В. В. Рубцовой, Г. В. Семья. М. : Издание Совета Федерации, 2018.

Rubtsova V. V., Semya G. V. (eds.) Report on the Results of the Monitoring the Effectiveness of the Implementation of the National Strategy for Children (2012—2017). Moscow: Russian Federation Council, 2018. (In Russ.)

Трещенков Е. Ю. Стрессоустойчивость (resilience) в дискурсах Европейского союза и международных организаций // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 55—75. <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-04>.

Treshchenkov E. Yu. (2019) Resilience in Discourses of the European Union and International Organizations. *International Organizations Research Journal*. Vol. 14. No. 1. P. 55—75. <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-04>. (In Russ.)

Трубина Е. Г. Жизнестойкость и ее обсуждение в российском и зарубежном социально-гуманитарном знании // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2016. Т. 11. № 3. С. 65—77.

Trubina E. G. (2016) Resilience: the Uses of the Concept in Russian and Western Social Sciences and Humanities. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences*. Vol. 11. No. 3. P. 65—77. (In Russ.)

Тындик А. О., Митрофанова Е. С. Социально-экономическое поведение индивида в зеркале концепции жизненного пути // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3. С. 146—159. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.3.10>.

Tyndik A. O., Mitrofanova E. S. (2014) Social and Economic Behavior of People in the Perspective of the Life Course Concept. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 146—159. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.3.10>. (In Russ.)

Уокер Ч. Класс, гендер и субъективное благополучие на новом российском рынке труда: Жизненный опыт молодежи в Ульяновске и Санкт-Петербурге // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 4. С. 521—538.

Walker Ch. (2012) Class, Gender and Subjective Well-Being in Russia's New Labor Market: Experiences of Young People in Ulyanovsk and Saint Petersburg. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 4. P. 521—538. (In Russ.)

Чекмарев Э. В. Молодежный ресурс сохранения устойчивости политической системы современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 2. С. 89—96.

Chekmarev E. V. (2017) Youth Resource of Preserving the Stability of the Political System of Modern Russia. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 12. No. 2. P. 89—96. (In Russ.)

Чередниченко Г. А. Занятость молодежи и профессионально-образовательные траектории // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 52—74.

Cherednichenko G. A. (2010) Employment of the Youth and Educational and Professional Trajectories. *Sociological Journal*. No. 3. P. 52—74. (In Russ.)

Чередниченко Г. А. Выпускник на рынке труда (по материалам опроса Росстата) // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 4. С. 96—107. <http://doi.org/10.24411/2307-4264-2019-10412>.

Cherednichenko G. A. (2019) A Graduate in the Labor Market (on the Materials of Russian Federal State Statistics Committee Survey). *Professional Education and Labor Market*. No. 4. P. 96—107. <http://doi.org/10.24411/2307-4264-2019-10412>. (In Russ.)

Чернова Ж. В. «Демографический резерв» : Молодая семья как объект государственной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 1. С. 23—42. № 2. С. 26—38.

Chenova Zh. V. (2010) "Demographic Reserve": A Young Family as an Object of State Policy. *Woman in Russian Society*. No. 1. P. 23—42. No. 2. P. 26—38. (In Russ.)

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Вверх по лестнице, ведущей вниз: Идеология возможностей и ограничения образовательного выбора выпускников детских домов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 2. (В печати).
Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2020) Up the Down Staircase: Ideology of Opportunities and Limitations of Educational Choice of Care Leavers. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. No. 2. (In Print). (In Russ.)

Arnett J. J. (2016) Does Emerging Adulthood Theory Apply Across Social Classes? National Data on a Persistent Question. *Emerging Adulthood*. Vol. 4. No. 4. P. 227—235. <https://doi.org/10.1177/2167696815613000>.

Flick U. (2006) *An Introduction to Qualitative Research*. London: Sage.

Furlong A., Cartmel F. (2007) *Young People and Social Change: New Perspectives*. Maidenhead: McCraw Hill/Open University Press.

Gilligan R. (2008) Promoting Resilience in Young People in Long-Term Care — the Relevance of Roles and Relationships in the Domains of Recreation and Work. *Journal of Social Work Practice*. Vol. 22. No. 1. P. 37—50. <https://doi.org/10.1080/02650530701872330>.

Iacovou M. (2002) Regional Differences in the Transition to Adulthood. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 580. No. 1. P. 40—69. <https://doi.org/10.1177/000271620258000103>.

Kravchenko Zh. V. (2015) Transitions into Adulthood and Inequalities: The Institutional Perspective. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 13. No. 2. P. 303—316.

Stein M. (2004) What Works for Young People Leaving Care? Ilford: Barnardo's.

Stein M. (2006) Young People Aging Out of Care: The Poverty of Theory. *Children and Youth Services Review*. Vol. 28. No. 4. P. 422—434. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2005.05.005>.

van de Kaa D.J. (1987) Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*. Vol. 42. No. 1. P. 3—59.

Walker Ch. (2018) Youth and Social Exclusion in Russia: A Scoping Study for the World Bank. Moscow: TANI.

Walther A. (2006) Regimes of Youth Transitions: Choice, Flexibility and Security in Young People's Experiences across Different European Contexts. *YOUNG*. Vol. 14. No. 2. P. 119—139. <https://doi.org/10.1177/1103308806062737>.